

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

ЭТНОГРАФИЯ ИМЕН

К 711191

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. Н. В. Забужкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ФАМИЛИЙ. ПИНЕЖСКИЕ ФАМИЛИИ

Задача данной статьи — на примере антропонимии Пинежья, территории в прошлом изолированной географически и экономически, проследить историю русских фамилий, их состав, источники и особенности словообразования.

Материалом послужили списки избирателей, местные газеты, а также беседы непосредственно с жителями пинежских деревень во время диалектологических экспедиций. Привлекались нами и письменные памятники прошлого: писцовые и переписные книги XVII в., посемейные списки, окладные книги, рекрутские списки, дела Кеврольской воеводской канцелярии и другие документы.

При сопоставлении данных древних памятников устанавливается, что пинежские фамилии сложились не ранее XVIII в., ибо в книгах XVII в. фамилии еще почти не представлены. Там имеются только или двучленные наименования человека: имя + отчество (*Рудачко Павлов*), или трехчленные: имя + отчество (первое имя отца) + второе отчество (второе, прозвищное имя отца), например: *Девятко Маркелов сын Невзоров* (т. е. сын Маркела Невзора) и т. п.

И первое и второе отчество представляло собою притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов, -ин*, однако синтаксические функции этих отчеств были различны. Первое отчество, образованное, как правило, от крещеного имени отца, служит определением к нарицательному слову «сын» и является присказуемым членом: чей сын Девятко? — Маркелов. Второе же отчество, образованное обычно от второго прозвищного имени отца, выступает в роли приложения, уточнения (в конструкции присоединительной): сын какого Маркела? — Невзора.

Прозвищное отчество выделяется и интонационно, сопровождается завершающей интонацией, и на письме здесь следовало бы ставить запятую: *Девятко Маркелов сын, Невзоров; Кузейко Семенов сын, Осетров*. Подобная присоединительная функция второго отчества отмечена и порядком слов: оно всегда ставилось в конце наименования, завершало трехчленную антропонимическую формулу. Это не могло быть случайным. В этом положении прозвищные отчества постепенно утрачивали значение принадлежности, в них терялась связь с именем конкретного лица, тем более что эта принадлежность достаточно четко обозначалась первым отчеством. За вторым отчеством постепенно закрепляется значение определения человека по его происхождению: оно становится

родовым именем и таким образом из прилагательного превращается в субстантив: не «чей Кузейко?», а «кто это?» — «Кузейко Осетров».

Превращение третьего члена лично-именного словосочетания (притяжательного прилагательного) в собственное имя происходит не ранее того момента, когда оно перестает быть индивидуальным именем конкретного родоначальника и превращается в обобщенное имя всего его рода, т. е. уже абстракцией, условным антропонимическим знаком, фамилией.

Процесс образования фамилий можно восстановить по пинежским писцовым и переписным книгам, так как сохранилось несколько переписей пинежского населения (кн. 1623 г., 1678 г., 1686 г.), а также по документам XVIII в.

Основной источник пинежских фамилий — некалендарные прозвищные имена. В кн. 1678 г. записан на Карповой Горе *Титко Агеев*, прозвище *Немирко*, а в кн. 1686 г. хозяин двора уже его сын — *Богдашко Титов сын, Немиров*; в кн. 1623 г. в д. Еркино отмечен *Поликарпик*, прозвище *Заварза*, у него сын *Матюшка*, а в кн. 1678 г. назван уже его внук — *Афонка Матвеев сын Заварзин*; в кн. 1623 г. в д. Крылова Гора поименован *Гришка Максимов сын Зарод*, т. е. Гришка по прозвищу Зарод, сын Максима, в кн. 1678 г. в этой же деревне записан *Фочка Козмин сын Зародов*. Так прозвище родоначальника становится родовым именем, фамилией. Эти фамилии существуют и в современном Пинежье.

По древним письменным памятникам можно проследить последовательную смену поколений и закрепление фамильного имени. В кн. 1623 г. в д. Игошинской на Шотогорах записан *Климко Данилов сын Вехорев*, Климко — сын Данилы Вехоря, второе поколение, у него дети *Тимошка* да *Никитка*; в кн. 1686 г. назван в этой же деревне *Минка Тимофеев сын Вехорев*, т. е. внук родоначальника — Данилы Вехоря, четвертое поколение его. Родовое прозвание *Вехорев* переходит из поколения в поколение, это уже фамилия. Фамилия *Вехорев* и сейчас бытует в д. Шотовой, а один из ее околков носит название д. Вехорянка.

Имеются на современном Пинежье и немногие фамилии, образованные от прозвищ нерусского происхождения. В кн. 1678 г. записан на Шетогоре *Арефко Михайлов* прозвище *Курдюмко*, у него дети *Агапейко* и *Сенка*; в кн. 1686 г. этот двор уже записан за его сыновьями: *Агапейко* да *Сенка Арефьевы дети Курдюмовы*. *Курдюмов* стало фамилией, образовавшейся из прозвищного имени отца — *Курдюм*. В числе прозвищ были слова *Шавера*, *Шарапко* и т. п., которые, как и все другие прозвища, образовали современные фамилии: *Шарапов*, *Шаверов*, *Чухчин*, *Чивиксин*, *Хаймусов* и т. п. К иноязычным же основам восходят фамилии *Варзумов*, *Кармакулов*, *Сурганов* и т. п. Фамилия известного пинежанина

В. И. Стирманова, видимо, восходит к западноевропейскому источнику. Она отмечена в памятниках XVIII в. в пинежском посемейном списке 1786 г.: *Зотик Андреев сын Стирманов*. Можно полагать, что она голландского происхождения: *stuurman* 'штурман', 'рулевой'. Известно, что в петровскую эпоху в пределы Архангельской губернии на корабельные верфи были приглашены и голландские мастера.

Материалы писцовых книг и других памятников древне-го Пинежья свидетельствуют, что к концу XVII в. в качестве второго имени — прозвища могли уже употребляться и христианские имена, во всяком случае их бытовые варианты: вдобавок к крещеному имени, подчас трудно произносимому, например: *Анцифер, Аввакум, Евстафий*, присоединяли более простые христианские же имена в их бытовом варианте: *Ивашко, Васка, Сенка, Тимошка, Кузейко, Федка* и др. Подобное наречение прозвищем отмечено нами и в современном Пинежье, например, жителя д. Щелья на Покшеньге Николая Григорьевича Смоленского прозвали *Глебо*: *Миколка Глебо*.

От прозвищных христианских имен тоже стали образовываться фамилии и в той же последовательности: от прозвища родоначальника — к фамилии, родовому имени его потомков. Однако фамилии, образованные от христианских имен, явление, очевидно, более позднее: в писцовых книгах XVII в. подобных родовых прозваний еще не отмечено. Что образование фамилий от христианских имен происходило позднее, убеждает нас и состав современных пинежских фамилий: более 80% фамилий восходят к некалендарным именам, и только 20% фамилий соотносятся с именами христианами.

Анализ фамилий, составляющих указанные 20%, позволяет установить, что во многих случаях они образованы не от полного канонического христианского имени, а опять-таки от бытового его варианта, от прозвищного полуимени. Например: *Федухин* от имени *Федуха*, а не *Федор*, *Аверин* от *Аверя*, а не *Аверьян*, *Фофанов* от *Фофан*, а не *Феофан*, *Ермолин* от *Ермола*, а не *Ермолай*, *Харин* от *Харя*, а не *Харитон*, *Олькин* от *Олька*, а не *Александр*, *Стахеев* от *Стахей*, а не *Евстафий*, *Минин* от *Миня*, а не *Михаил*, *Митягин* от *Митяга*, а не *Дмитрий*, *Арсентьев* от *Арсентий*, а не *Арсений* и т. п.

По древним письменным памятникам Пинежья можно проследить и постепенную отработку формы лично-именных словосочетаний. В более ранних записях наблюдается еще неотработанность грамматических и словообразовательных норм, колебание в употреблении тех или иных антропонимических суффиксов, неустойчивость форм фамильного имени. Например: в кн. 1686 г. записан *Брашка Корнилов сын Сухарев* (д. Шардонема), он же при повторном названии — *Браш-*

ка *Сухарин*. Следовательно, от одной и той же исходной основы — прозвища *Сухарь* — образовано родовое прозвание для одного и того же лица: и *Сухарев* и *Сухарин*. От прозвища *Ворона* отмечены варианты фамилий: *Воронин*, *Воронков* и *Воронцов*; от прозвищного имени *Мельник* образованы фамилии и *Мельников* и *Мельничников*; от *Поляна* — и *Полянов*, и *Поленинов*, и *Полянин*; прозвище *Серебро* послужило основой для фамилий *Серебрянин* и *Серебряной*.

Иногда родовое прозвание выступает в форме родительного падежа, т. е. отвечает на вопрос: чьих? какого рода? Примеры: *Пятко Остафьев сын Сухаревых* (Покшеньга, кн. 1686 г.); *Аввакумо Ермолин сын Страшных* (Кеврола, 1686 г.); *Серешка Дементьев сын Ставровых* (Веркола, кн. 1678 г.); *Ивашко да Пашка Ларсоновы дети Девятого* (д. Марьина Гора, кн. 1686 г.); *Сенка Трифонов сын Второго* (там же); *Олешка Юрьев сын Еремеевых* (д. Чухченема, кн. 1686 г.); *Федка да Иевко Емельяновы дети Задориных* (д. Шотова Гора, кн. 1686 г.); *Ивашко да Сенка Григорьевы дети Зуева* (д. Пильи Горы, кн. 1623 г.); *Ефимко да Пашка Григорьевы дети Кокорина* (д. Кушкопала, кн. 1678 г.); *Пашко Дубининых* (д. Марьина Гора, 1686 г.); *Матвейко Степанов сын Кулешовых* (д. Киглохта, кн. 1686 г.); *Ондрюшка Иванов сын Макаровых* (д. Лавела, кн. 1678 г.); *Марчко Софонов сын Мининых* (Покшеньга, 1686 г.); *Ивашко Яковлев сын Мутного* (Покшеньга, кн. 1678 г.); *Мишка Иванов сын Микифоровых* (д. Сура, кн. 1678 г.).

Особенно неотработанными были образования от христианских имен: *Филка да Ивашко Поликарповы дети Павлова* (Кеврола, 1686 г.), но и *Максимко Никифоров сын Томилов Павловых* (д. Шеймогора, 1686 г.); *Артюшка Лазарев сын Прокопьев* (д. Сура, 1678 г.); но и *Якушко Антонов сын Пронин* (Покшеньга, 1686 г.); *Ивашко Елевферьев сын Филиных* (Сура, 1678 г.) и *Куземка Филипов* (Кеврола, 1686 г.) и мн. др.

Постепенно грамматические нормы, словообразовательные типы фамильных имен отрабатываются, создаются стойкие антропонимические модели. Наиболее продуктивная из них — образования с суффиксами притяжательности: *-ов*, *-ев*, *-ин*. Исходно это — притяжательные прилагательные; став фамилиями, они субстантивизируются, но словообразовательный тип сохраняется, суффиксы *-ов*, *-ев*, *-ин* становятся антропонимическими: *Задорин*, *Нежданов*, *Заварзин*, *Кобылин*, *Огарков*, *Брызгалов* и т. п.

В системе пинежских фамилий представлен и другой тип: фамилии, не оформленные специфическим антропонимическим суффиксом. По своей исходной форме и значению это полные прилагательные, не имеющие притяжательного значения. В основе их заключена или качественная характери-

стика человека (таковы, например, фамилии: *Черный, Широкий, Жидкий, Мерзлый, Черемный, Каменный, Тонкий, Дородный, Визжачий, Дыроватый* и т. п.), или характеристика по происхождению, по месту прежнего жительства: *Земцовский* (из д. Земцово), *Заливский* (из д. Залытье), *Холмовский* (из д. Холм), *Репищный* (ср. д. Репище), *Луговой* (из д. Луг), таковы же фамилии *Задворный, Таборский, Морозовский, Смоленский* и т. п.

Таким образом, в современных пинежских фамилиях еще отчетливо отражены древние принципы номинации — называть человека по его реальным признакам: дается или качественная характеристика его, или человек определяется по месту его прежнего жительства, или по его роду-племени, по имени родоначальника.

Фамилий, не оформленных суффиксами прилагательного, на Пинежье нет. Параллельно с процессами образования фамилий происходило и грамматическое оформление отчеств, отграничение их от фамильных имен. Ранее и отчество и фамилия имели одинаковую форму: на *-ов, -ин*, например: *Мишка Нестеров сын Миронов*, т. е. и индивидуальное имя (*Мишка Нестеров*) и его родовое прозвание (*Миронов*) одинаково выражались формой притяжательного прилагательного с одинаковым суффиксом. Постепенно за третьим членом личного именного словосочетания закрепляется значение родового имени — фамилии, переходящей из рода в род без изменений, форма на *-ов, -ин* становится грамматическим дифференциальным признаком фамилий. Отчества, являясь величиной переменной, изменяющейся с каждым поколением, подвергались дальнейшим превращениям, в них усиливалось значение притяжательности. Грамматически это выражалось в осложнении основы прилагательного притяжательного еще одним суффиксом принадлежности — патронимическим суффиксом *-ич*: *Петров сын — Петрович*. Различия в суффиксах фамилий (*-ов, -ин*) и отчеств (*-ович*) и стали тем дифференциальным признаком, который резко отличает эти две антропонимические категории.

Время сложения отчеств на *-ович, -ич* различно и исторически и социально: в княжеских и дворянских именах раньше, в крестьянской среде, в тягловых сословиях — позднее (это поддерживалось и официальным делопроизводством). В пинежских писцовых книгах и посемейных списках XVII—XVIII вв. нет еще ни одного отчества с суффиксом *-ович*.